

УДК 81'1=16+81'373.21

**ИМЯ КАК ТЕКСТ:
 КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СЕТЬ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ
 (анализ имени эмоции)**

С.А. Жаботинская (Черкассы, Украина)

С.А. Жаботинская. Имя как текст: концептуальная сеть лексического значения (анализ имени эмоции). Центральной темой статьи является изложение методологии, разработанной для концептуального анализа значений языковых и речевых единиц и названной «семантикой лингвальных сетей» (СЛС). Применение методологии показано на примере анализа лексического значения англоязычного существительного *joy*, именующего эмоцию РАДОСТЬ. Основная тема сопровождается обсуждением таких проблем, как различное понимание термина «концептуальный анализ», используемого в концептологии и в когнитивной лингвистике, а также взаимосвязь концептуального анализа и семантического анализа.

Ключевые слова: имя эмоции, концептуальная / когнитивная модель, концептуальный анализ, лексическое значение, семантический анализ, сетевая структура.

С.А. Жаботинська. Ім'я як текст: концептуальна мережа лексичного значення (аналіз імені емоції). Центральною темою статті є опис методології, розробленої для концептуального аналізу значень мовних та мовленнєвих одиниць та названої «семантикою лінгвальних мереж» (СЛМ). Застосування методології продемонстровано на прикладі аналізу лексичного значення англословного іменника *joy*, який номінує емоцію РАДІСТЬ. Основна тема супроводжується обговоренням таких проблем, як різне розуміння терміну «концептуальний аналіз», вживаного в концептології та в когнітивній лінгвістиці, а також взаємозв'язок концептуального аналізу й семантичного аналізу.

Ключові слова: ім'я емоції, лексичне значення, семантичний аналіз, концептуальний аналіз, мережна структура, концептуальна / когнітивна модель.

S.A. Zhabotynska. The name as a text: conceptual network of lexical meaning (analysis of the name of emotion). The focal topic of this paper is discussion of the methodology developed for conceptual analysis of linguistic meanings and called “semantics of lingual networks” (SLN). Its application is illustrated with the analysis of JOY concept named by the noun *joy* in English. The satellite topics are concerned with different understanding of the term “conceptual analysis” employed in conceptology (concept studies) and in cognitive linguistics, and the relation between conceptual analysis and semantic analysis.

Key words: name of emotion, lexical meaning, semantic analysis, conceptual analysis, network structure, conceptual / cognitive model.

1. Введение. Название этой статьи, посвященной юбилею профессора Ольги Петровны Воробьевой – талантливого украинского лингвиста и моего большого друга, было подсказано фундаментальной работой Ю.И. Сватко «Имя как текст и текст как имя: лингвистические и лингвофилософские основания анализа» [Сватко 1994]. Слова «имя» и «текст» в названии статьи как нельзя лучше соответствуют направлениям наших с Ольгой Петровной научных

исследований. Фокусом моих научных интересов является имя в системе языка, работы же Ольги Петровны посвящены художественному тексту, «среде обитания» имени в речи. Имя и текст выступают в качестве «некоего конституирующего символа самого языка как живого организма и естественного инструмента коммуникации» [там же: 1]. Имя разворачивается в текст, который способен вновь свернуться в это породившее его имя [там же: 7]. Тем самым приобретает актуальность создание «общей ономотологии – научной дисциплины, которая обращена к реальной онтологии языка как онтологии имени и онтологии текста» [там же: 2]. **Целью** данной статьи является показ того, как методологический инструментарий когнитивной лингвистики может быть использован для построения онтологии, или концептуальной модели информации, активируемой именем эмоции. Понятие онтологии в этом случае сближается с тем, которое используется в инженерии знаний: «онтология как концептуальная модель предметной области состоит из иерархии понятий предметной области, связей между ними и законов, которые действуют в рамках этой модели» [Воинов, Гаврилова 2008: 566]. Имя эмоции выбрано для анализа не случайно, этот выбор согласуется с темой работ Ольги Петровны, выполненных в русле эмотиологии текста [Воробьева 2006а; 2006б; 2008; 2013; Vorobyova 2012]. Не случаен и конкретный объект исследования – понятие РАДОСТЬ, обозначаемое англоязычным существительным *joy*, ибо это понятие связано с той эмоцией, которая долгие годы предопределяет гармонию нашего с Ольгой Петровной научного и дружеского общения.

Объект исследования (понятие РАДОСТЬ) и его **предмет** (концептуальная модель этого понятия) отсылают к известному вопросу о возможности «поверить гармонию алгеброй». Положительный ответ на него, предлагаемый с позиций когнитивной лингвистики, подразумевает существование рационального начала, а именно – нашего мышления как природной системы, обработка информации в которой имеет свои закономерности. Как отмечает В.И. Шаховский, человеческое мышление накапливает, обобщает и конституирует (реконструирует) знания об эмоциях, то есть концептуализирует их и присваивает им лексикализованную или паралингвистическую символику (код) [Шаховский 2008: 26]. Знания о той или иной эмоции представлены в лексическом значении и м е н , н а з ы в а ю щ и х с а м и э м о ц и и (гнев, страх, радость, печаль и пр.), которые следует отличать от эмотивов как имен, связанных с выражением эмоций или используемых для их описания [Шаховский 1987: 24].

Лексическое значение есть концепт, активируемый словом в мышлении. Это определение согласуется с тем, что дано в работах М.В. Никитина [1974] и Е.С. Кубряковой [1991], где под значением (в частности, лексическим) понимается концепт, схваченный знаком, или квант информации, подведенный под тело знака. Положение, согласно которому «значение языкового выражения приравнивается к обозначаемому им концепту» [Clausner, Croft 1999: 2],

является общепринятым и для всех зарубежных школ когнитивной лингвистики.

Трудность анализа лексического значения имен эмоций связана с тем, что, будучи хорошо знакомыми каждому человеку, эмоции, в силу своей континуальной психологической природы, нерасчленимы на внутренние признаки и тем самым проблемны для описания. В бытовой трактовке суть конкретной эмоции, например, радости, определяется не формулой «Это есть...», а формулами «Это когда...» и «Это как...». Тем самым объяснение соответствующего концепта осуществляется либо путем обращения к ситуации, в которой появляется и проявляется эмоция, либо же с помощью метафоры.

Составляющие ситуации, сопровождающей эмоцию, устанавливаются с помощью методики компонентного анализа, осуществляемого на основе словарных дефиниций, методики ассоциативного эксперимента (в психолингвистике) и методики исчисления логических предикатов, отслеживаемых в контекстах употребления слова (см. работы школы «логического анализа языка», основанной Н.Д. Арутюновой [Логический анализ языка 1991; 2002 и др.]). Во всех случаях выделяются семы, или компоненты значения слова. Различие состоит лишь в объеме информации, из которой они выводятся и которая зависит от типа лексического значения. Значение слова может быть референтным, денотативным и сигнификативным. Каждое из них может включать коннотативный компонент как информацию не о самой именуемой сущности, а о говорящем или о ситуации использования слова. *Референтное значение* (его называют также «смыслом») содержит информацию о конкретном единичном объекте – референте. В *денотативном значении* представлена информация о денотате – множестве референтов, относящихся к одному классу. В денотативном значении существует часть информации, являющаяся общей для всех членов класса. Эта часть известна как *сигнификативное значение*. Наибольший объем информации представлен в денотативном значении, наименьший – в сигнификативном. Если сигнификативное значение, которое содержит только интегральные признаки членов класса, анализируется с помощью методики компонентного анализа, то денотативное значение, включающее как интегральные, так и дифференциальные признаки членов класса, рассматривается с помощью методики исчисления логических предикатов. С денотативным значением имеет дело и ассоциативный эксперимент, с той лишь разницей, что контексты, из которых оно выводится, не даны в «готовом» виде как часть некоторого текста, а продуцируются информантами в ходе самого эксперимента.

Компонентный анализ концепта РАДОСТЬ как сигнификативного значения существительного *joy* позволяет установить список сем, отслеживаемых не в одном, а во всех приводимых в словаре лексико-семантических вариантах слова, поскольку они связаны отношениями смежности / метонимии, то есть именуют различные составляющие одной

и той же ситуации (семь подчеркнуты, синонимы существительного *joy* выделены курсивом):

1) the emotion of great *delight* or *happiness* caused by something good or satisfying; keen pleasure; 2) source or cause of great pleasure; 3) the expression or display of *glad feeling*; 4) state of happiness or *felicity* (Webster's New Universal Unabridged Dictionary. New Jersey : Barnes & Noble Books, 1992. – 1854 p.).

Семь: positive feeling / emotion, emotional state, displayed state; intensive degree; caused by smth good.

Словарное описание «наивного», обыденного концепта РАДОСТЬ как языкового значения лексемы *joy n* остается довольно скудным: «позитивное чувство / эмоция; эмоциональное состояние, которое может быть выражено, которое обладает достаточной интенсивностью и которое причинено чем-то хорошим». Синонимы *delight, happiness, pleasure, glad feeling, felicity* не добавляют какой-либо существенной информации к описанию анализируемого концепта, поскольку они сами обозначают эмоции, требующие определения.

Методика *ассоциативного эксперимента*, использованная Ю.Ю. Шамаевой для анализа содержания концепта РАДОСТЬ, обозначенного англоязычными существительными *joy* и *happiness*, позволила выявить такие их ассоциаты, связанные с образом человека, испытывающего соответствующую эмоцию [Шамаева 2004: 10] (в скобках дана частотность):

smiling (36), projecting a positive attitude (22), laughing easily (9), nice to others (6), confident (5), upbeat (4), energetic (4), with bright eyes lit up and twinkling (4), with energy in the voice (3), encouraging (3), friendly (3), relaxed (3), with winkle wide eyes (2), keeping eye-contact (2), animated (2), excited (2), jumping around (2), giving hugs (2), glowing (2), radiating joy (2), affectionate (2), optimistic (2), calm (2), with an open body language (2), being loud (2), enthusiastically cheerful in speech (2), with rosy cheeks and an open mouth, smirkie, grinning widely, showing teeth, with a softened face expression, great animation of the features, eyes crinkled at the corners, keeping up his/her happy high, walking tall, not slouching, with a good poise, walking with the head up high, carefree, acting exuberantly, with an open posture and gestures, acting and talking cheerfully, jubilantly, vivacious, hyper, might act silly and dance around, chirkie, bubbly, up to anything, with a chipper voice tone, speaking with animation, vocal variety, inflection in the voice, making jokes, having trust in God, peppy, enthusiastic, more successful, present in the moment, savoring present, in a good mood, celebrating, tenderhearted, forgiving, with great control in times of trouble, wise, integrative, non-confrontational, welcoming, considerate, boisterous, helpful, complimentary, warm, not swearing, charming.

Приведенные выше данные упорядочены по показателю частотности ассоциаций, сопровождающих концепт РАДОСТЬ. Однако для уяснения

его содержания эти данные требуют, прежде всего, упорядочивания тематического, которое дает такой результат:

следствие радости:

мика, выражение лица – *smiling (36), with bright eyes lit up and twinkling (4), with winkie wide eyes (2), glowing (2), keeping eye-contact radiating joy (2), vivacious, boisterous, with rosy cheeks and an open mouth, smirkie, grinning widely, showing teeth, with a softened face expression, great animation of the features, eyes crinkled at the corners;*

манера держаться – *walking with the head up high, walking tall, not slouching, with an open posture and gestures;*

физические действия – *jumping around (2), giving hugs (2), with an open body language (2), might act silly and dance around, acting exuberantly;*

смех, разговор – *laughing easily (9), with energy in the voice (3), being loud (2), enthusiastically cheerful in speech (2), speaking with animation, vocal variety, inflection in the voice, with a chipper voice tone, making jokes, acting and talking cheerfully, not swearing;*

психологическое состояние – *projecting a positive attitude (22), confident (5), energetic (4), relaxed (3), animated (2), excited (2), optimistic (2), calm (2), carefree, enthusiastic, integrative;*

отношение к другим – *nice to others (6), friendly (3), encouraging (3), affectionate (2), welcoming, considerate, tenderhearted, charming, warm, helpful, non-confrontational, complimentary;*

причина радости: *having trust in God, celebrating, forgiving, wise, savoring present, more successful.*

По итогам ассоциативного эксперимента, лексическое значение существительного *joy* включает компоненты «следствие радости» и «причина радости». Со всей очевидностью, таких компонентов должно быть больше, и они могут быть выявлены при условии расширения корпуса контекстов слова и использования **методики исчисления логических предикатов**. При исследовании фелицитарных концептов она частично применяется в работах С.Г. Воркачева [2002; 2004], посвященных СЧАСТЬЮ как лингвокультурному концепту в русском языке, а также в работе С.Г. Воркачева и Е.А. Воркачевой [2003], где анализируется концепт СЧАСТЬЕ, представленный в английском языке и обозначенный лексемами *happy, happily, happiness, blessed, blissful, etc.* Авторы упомянутых работ, используя преимущественно словарный материал, иногда прибегают к помощи контекстов. Например (подчеркнуто мною – С.Ж.):

«По определению, счастье – душевное состояние могут испытывать лишь существа (реальные или воображаемые), наделенные «душой», т. е. сознанием: *He's probably the only truly happy man I've ever known, he thought* (S. Sheldon); *My happy father died / When sad distress reduced the children's meal* (W. Wordsworth); *Sweet sleep Angel mild, / Hover o'er my happy child* (W. Blake); *The angels, not half so happy in Heaven, /*

Went envying her and me (E.A. Poe); *Apart from happy Ghosts, that gather flowers / Of blissful quiet 'mid unfading bowers* (W. Wordsworth); *There lie the happy Dead from trouble free* (G. Crabbe)» [Воркачев, Воркачева 2003: 264]. См. также пример применения контекстов при описании содержания имен эмоций в [Пименов 2007; Пименова 2007].

До недавнего времени суть значения имени эмоции устанавливалась преимущественно на словарном материале, а использование контекстов играло роль вспомогательного средства, что было связано с трудностью их поиска вручную. Появившиеся ныне компьютерные базы данных открывают практически неограниченный доступ к различным контекстам использования слова, и методика исчисления логических предикатов приобретает статус основного исследовательского инструментария. Но инструментария для чего – для анализа содержания концепта или же для анализа того, как это содержание «сконструировано» (construed) в мышлении? Этот вопрос имеет непосредственный выход в проблему методологической аморфности современной концептологии как отечественного варианта когнитивной лингвистики, отличного от всего того, чем занимается когнитивная лингвистика за пределами восточноевропейского региона.

2. Полемика. Концептологию ассоциируют в первую очередь с культурологией языка (лингвокультурологией), изучающей язык в единстве с культурой и ставящей целью постижение культуры через язык. Основной эвристической единицей лингвокультурологии является концепт (по умолчанию лингвокультурный), который, при любом толковании, сводится к понятию как совокупности существенных признаков предмета, «погруженному» в культуру и язык [Воркачев 2011]. В то же время, современная концептология трансформируется в науку о концептах в целом (не только лингвокультурных) – об «их содержании, эволюции, взаимосвязях в рамках тех или иных концептосфер или концептосистем». Это «область с многочисленными ответвлениями, которые пересекаются между собой, опираясь на общие или различные методологические и/или лингвофилософские основания» [Воробьева 2013]. Состоянию дел в современной концептологии посвящен ряд статей известных лингвистов [Воркачев 2011; Кравченко 2011], в том числе и Ольги Петровны Воробьевой [2011; 2013], где дан подробный анализ достижений, проблем и недостатков этого лингвистического течения (см. также монографию А.Н. Приходько [2008], в которой представлены наработки концептологии). Будучи когнитивным лингвистом, но никак не концептологом, я не буду давать оценку достижениям концептологии, но кратко остановлюсь на тех моментах, которые вызывают вопросы в связи с проблематикой данной статьи.

Первый вопрос связан с тем, что изучает концептология и являются ли концепты самодостаточным объектом анализа в лингвистике, задача которой заключается в изучении языка в его широком понимании. Когнитивная

лингвистика обращается к концептам с целью *объяснить* различные языковые факты, опираясь при этом на стоящие за ними ментальные феномены. Тем самым когнитивная лингвистика остается лингвистикой. Если конечной целью концептологии являются концепты, никак не привлекаемые для *объяснения* природы языка и речи, то где здесь лингвистика? Этот вопрос постоянно возникает при чтении многочисленных авторефератов диссертаций, в заголовке которых стоит слово «концепт». Например, «Концепт освіти в англійській, французькій, українській та російській мовах» [Беляева 2012]: в работе дается перечень понятий, связанных со сферой образования и обучения, и приводятся списки соответствующих прямых и метафорических номинаций, относящихся к разным языкам.

Второй вопрос, согласующийся с первым, заключается в следующем. Если отвлечься от существующих в концептологии многочисленных довольно смутных определений концепта и говорить по существу, то *концепт* (как имеющий культурную ценность, так и не имеющий таковой) есть содержащийся в мышлении *фрагмент информации*, активируемый языковым знаком (начиная от морфемы и заканчивая текстом) или же группами знаков. В то же время, этот фрагмент информации о некоторой сущности есть не что иное, как *значение – языковое* (обобщенное, сигнификативное), *речевое* (конкретное – референтное, явленное в одном речевом событии, или же денотативное, явленное во многих речевых событиях), *дискурсивное* (связанное с участниками коммуникации и ситуацией общения). Если концептология изучает содержание знаков языка и речи, то чем она в её нынешнем виде отличается от семантики? Отличием есть разве что пренебрежение научной точностью и строгостью понятий, граничащее порой с профанацией. Например:

«*Схема* – концепт, представленный обобщенной пространственно-графической или контурной схемой; это гипероним с ослабленным образом (например, дерево вообще). Схемы можно нарисовать, что говорит о реальности существования данной формы структуризации знаний. Схема – промежуточный тип концепта между представлением и понятием, определенный этап развития абстракции» (см. [Рудакова 2002: 44] со ссылкой на работу З.Д. Поповой и И.А. Стернина [1999]).

Сравним это определение с общепринятым в зарубежной когнитивной лингвистике, где понятие схемы считается одним из основных и где под *схемой* понимается категоризирующая абстракция, совместимая со всеми членами определяемой категории, повторяющаяся в ментальных образах мира и наделенная фундаментальной значимостью для протекания различных когнитивно-семантических процессов. Схема не имеет конкретного воплощения (*it is not embodied*); схема «абстрактна» в том смысле, что она абстрагирована, отвлечена от целого ряда конкретных языковых форм и значений в качестве их обобщения [Langacker 2008: 371; Clausner & Croft: 4, 14]. Схемы представляют собой укорененные в мышлении образцы нашего

опыта; получив достаточное укоренение, они могут быть использованы при продуцировании и понимании языковых выражений. Тем самым языковые выражения связаны со структурами знания, которые их порождают и обеспечивают их интерпретацию [Kemmer 2003]. В языке представлены как отдельные схемные сущности, так и схемные структуры. И те, и другие могут иметь различную степень схемности, то есть абстрактности, зависящей от того, как человек представляет формальный или семантический полюсы своего языка [Tylor 1990: 523, 533] (см. об этом [Жаботинская 2009в: 383]). Определение схемы, общепринятое в когнитивной лингвистике, не предполагает возможности «нарисовать» такую схемную сущность, как, например, МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ, ДОБРО или НЕЧТО.

Третий вопрос вытекает из второго и касается методологического инструментария концептологии. Думаю, её «автохтонность» [Воркачев 2011] как чисто восточноевропейской ветви лингвокогнитивных исследований связана с трактовкой термина *концептуальный анализ*. А эта трактовка, в свою очередь, коренится в рассуждениях на тему «*концепт и понятие*», отсутствующих в англоязычном мире, где для их обозначения используется одно слово – *concept*. Термин «концептуальный анализ» можно понимать двояко: 1) как анализ содержания концепта с помощью определенного методологического аппарата; 2) как сам методологический аппарат. Для когнитивной лингвистики концептуальный анализ – это сама методология, включающая основные понятия и техники (методики) анализа, разработанные различными лингвокогнитивными школами (фреймовой семантикой и конструкционной грамматикой, когнитивной грамматикой, теорией концептуальной метафоры и теорией концептуальной интеграции, теорией перспектив и теорией прототипов, теорией иконизма, теорией семантических примитивов и пр.). Для концептологии концептуальный анализ – это описание содержания (лингвокультурных) концептов с помощью «сложившейся к настоящему времени <...> более или менее согласованной методики, включающей приемы выделения имени концепта, способы этимологического и компонентного анализа этого имени, семантический анализ контекстов употребления средств выражения концепта, ассоциативный эксперимент, когнитивное моделирование, частотный анализ и пр.» [Воркачев 2011]. Почти все из перечисленных методов использовались и в семантике. Чем-то новым представляется лишь «когнитивное моделирование». Рассмотрим, что под ним понимается.

В концептологии моделирование концептов осуществляется, как правило, с помощью слоистой структуры [Воробьева 2013]. Предложенная Ю.С. Степановым [1997: 46–56], она представляет концепт как «наслоения» культурной жизни разных эпох. Слоистая модель в её последующих модификациях, используемых во многих современных концептологических работах, является более простой, лишенной исторического «слоя». По наблюдению С.Г. Воркачева, в такой модели обычно упоминаются

понятийная, образная, ценностная и значимостная составляющие. *Понятийная составляющая* концепта включает в себя совокупность общих и существенных признаков класса объектов, представленных в сознании рационально и позволяющих отделить этот класс от других видовых классов внутри соответствующей родовой области (ср. сигнификативное значение – С. Ж.). *Образная составляющая* по качественным характеристикам содержащихся в ней образов разделяется на две части: *перцептивную*, или *предметно-образную*, отражающую опыт чувственного восприятия денотата концепта субъектом сознания (ср. денотативное значение – С. Ж.), и *метафорически-образную*, фиксирующую метафоры, с помощью которых понятийное наполнение концепта представляется сознанию. Под *ценностной составляющей* концепта может пониматься его культурная значимость, позволяющая трактовать особо важные для какой-либо культуры смыслы как «культурные доминанты». *Значимостная составляющая* определяется местом, занимаемым именем концепта в лексической системе языка. Она включает парадигматику, синтагматику и этимологию имени концепта, а также соотношение частеречных реализаций этого имени и его словообразовательную продуктивность. Более или менее согласованное единство мнений – и то с определенными оговорками – существует лишь в отношении двух из названных составляющих концепта: понятийной и образной [Воркачев 2011]. Слоистая модель, предлагаемая в большинстве кандидатских диссертаций, в частности, защищаемых в Украине, еще проще: она содержит «чувственно-образное ядро» и «периферию» концепта. Чувственно-образное ядро, или «базовая составляющая» анализируется, как правило, с помощью метода компонентного анализа, применяемого к словарным данным, реже – с привлечением методики исчисления логических предикатов или ассоциативного эксперимента. В качестве «периферии» концепта рассматриваются его метафорические корреляты, описываемые (зачастую довольно безграмотно) в терминах теории концептуальной метафоры (см., например, [Жигоренко 2011]). Подобные «слоистые модели», безудержно размножающиеся в современных диссертациях, действительно, напоминают «облако», метафорический образ которого используется для описания структуры концепта З.Д. Поповой и И.А. Стерниным (цит. по [Рудакова 2002: 50]): «Концепт рождается как единица универсального предметного кода, которая и остается его ядром. Ядро постепенно окутывается, обволакивается слоями предметных признаков, что увеличивает объем концепта и увеличивает его содержание. Внутри концепта перетекают и переливаются концептуальные признаки». Если в работах, близких школам Ю.С. Степанова и Н.Д. Арутюновой, «слои» признаков концепта как-то отслеживались, то в работах, все более и более удаляющихся от этих школ, «предметные признаки» до такой степени «перетекают» и «переливаются», что вытекают совсем, лишая исследования научной ценности.

Оставив в стороне дискредитирующий концептологию (и лингвистику в целом) продукт, вернемся к тщательно выполненным концептологическим исследованиям. По своим методам, сводимым к технике компонентного анализа (выделения компонентов концепта), они остаются в русле классических работ по структурной семантике. К классическим семантическим построениям тяготеет и «слоистая» когнитивная модель, в которой выделенные составляющие концепта относятся к историческому или современному «слоям», а в современном «слое» распределяются в соответствии со своей принадлежностью к ядру (сигнификативному, языковому значению) или же к периферии (денотативному/референтному, речевому значению). При этом такое распределение сопровождается определением тех компонентов, которые важны (ценны) для данной культуры. Метафорически-образный и значимостный «слой» вряд ли относятся к концепту как таковому. Метафора связана не столько с сущностными компонентами самого концепта, сколько с его аналоговыми реляциями с другими концептами, привлекаемыми для осмысления и названия этих сущностных компонентов. Значимостный же «слой» имеет отношение к концептам, инкорпорированным не в онтологию мира, обозначаемого с помощью языка, а в онтологию самого языка как используемой в общении семиотической системы. То есть, концепты значимостного «слоя» относятся к иной системе знаний.

Является ли слоистая модель концепта когнитивной или же это модель семантическая? Так, в лексической семантике слоистая модель применяется М.В. Никитиным [1996: 109], выделяющим интенционал как содержательное ядро значения слова и импликационал как периферию семантических признаков, окружающих это ядро.

По справедливому замечанию А.В. Кравченко, «семантика просто не может не быть когнитивной, если она подразумевает изучение механизмов порождения значения, а не абстрактное теоретизирование» [Кравченко 2011]. Слоистую модель концепта нельзя отнести к абстрактному теоретизированию, поскольку она систематизирует представленные в семантике языка и добытые эмпирическим путем знания о мире. В то же время, эта модель, построение которой становится вторым этапом после компонентного анализа, практикуемого в структурной семантике, вряд ли является моделью самой концептуальной структуры как некоторого существующего в мышлении паттерна, предназначенного для упорядочивания и обработки информации. Слоистая модель является, на мой взгляд, теоретическим конструктом, в котором чего-то не хватает. И это «что-то» есть концептуальная структура, которая и знаменует *переход от семантического к концептуальному анализу* в его понимании, принятом в когнитивной лингвистике – как анализу с применением специальной методологии для построения концептуальных структур.

Объясняя разницу между семантическим и концептуальным анализом в своей работе, опубликованной в 1991 году, Е.С. Кубрякова писала,

что семантический анализ связан с разъяснением *языковой единицы*, в то время как концептуальный анализ обращен к *знаниям о мире*. Семантический анализ направлен на экспликацию семантической структуры номинативной единицы, уточнение реализующих ее денотативных, сигнификативных и коннотативных значений; концептуальный же анализ предполагает поиск тех общих концептов, которые подведены под один знак и представляют бытие знака как маркера известной когнитивной структуры [Кубрякова 1991: 85]. В моих работах тема соотношения семантического и концептуального анализа появилась в 1999 году, и я неоднократно возвращалась к ней в дальнейшем [Жаботинская 1999; 2003; 2004; 2005; 2008б], отмечая, что основные отличия между традиционным семантическим анализом и концептуальным анализом заключаются в следующем:

- **Степень абстрагирования** – сущностям, которые используются в концептуальном анализе, присуща более высокая степень абстракции, схемности по сравнению с теми сущностями, которые фигурируют в семантическом анализе.
- **Композиционность**: если для семантического анализа достаточно выявления перечня элементов, входящих в состав значения, то при концептуальном анализе эти элементы должны быть соотнесены между собой и объединены в составе некоторой концептуальной (схемной) структуры. Используемая подсознательно, то есть принадлежа «сознанию заднего плана» (*backstage cognition*), такая структура может не иметь прямых языковых средств для своей экспликации; она реконструируется в результате интроспекции исследователя, его умения увидеть за множеством разноплановых фактов определенную закономерность.

В 2007 году аналогичные мысли были высказаны в статье Елены Георгиевны Беляевской «Концептуальный анализ: модифицированная версия методов структурной лингвистики?» [Беляевская 2007]. Задавая вопрос «*Есть ли между концептуальным анализом и компонентным анализом что-нибудь общее или же это две совершенно разные исследовательские процедуры?*», автор статьи дает на него такой ответ. «Концептуальный анализ отличается от компонентного анализа, прежде всего, по ожидаемому результату. Посредством компонентного анализа устанавливается набор мельчайших компонентов значения, <...> в этом случае исследователь имеет дело с внешним, или поверхностным, уровнем семантики единицы. При концептуальном анализе в задачу исследователя входит выявление «глубинной» концептуальной структуры, определяющей употребление единицы и отличающей эту семантическую сущность от других, существующих в языке. Глубинная, концептуальная структура, естественно, коррелирует с внешней, собственно семантической составляющей смыслового содержания единицы, но существенным образом отличается от неё» [там же: 65–66]. Во-первых, базовые компоненты концептуальной структуры принадлежат другому уровню абстракции и носят более обобщенный характер,

чем семы. *Во-вторых*, базовые или элементарные концепты, составляющие концептуальную схему, зачастую могут выводиться из общего представления об обозначаемом на основании операций логического вывода. *В-третьих*, в рамках компонентного анализа предполагается, что полученные в ходе развертывания дефиниции смысловые компоненты/семы в сумме должны «воссоздать» общую семантику анализируемой единицы. Концептуальные составляющие – элементы ментального плана и не могут в сумме составить семантическое содержание единицы. Совокупность базовых концептов формирует ментальную «картинку» или ментальное представление о том *смысле*, или о том видении обозначаемого, который выражает говорящий, употребляя в речи соответствующую единицу. Таким образом, между компонентным анализом и концептуальным анализом имеется определенная корреляция, а не реальное совпадение методики работы с языковым материалом [там же: 67–68]. Отмечу от себя, что такая корреляция состоит и в преемственности: семантический анализ, будучи первой и необходимой стадией исследования, поставляет «данные», тот «материал», который должен быть упорядочен с помощью концептуального анализа. Завершая свою статью, Е.Г. Беляевская выражает сожаление по поводу того, что «в настоящее время конкретные процедуры выделения базовых или элементарных концептов остаются практически неразработанными, и это ставит перед современной когнитивной лингвистикой важную задачу – предложить такую методику концептуального анализа, которая приводила бы к воспроизводимым, то есть не зависящим от произвола исследователя результатам» [там же: 68]. Думается, что методика, которая предлагается ниже и применение которой иллюстрируется на примере концептуального анализа лексического значения имени эмоции, существительного *joy*, удовлетворяет требованиям, сформулированным Еленой Георгиевной (изложение методики дано с некоторыми уточнениями и дополнениями по работе [Жаботинская 2013]).

3. Методика концептуального анализа: семантика лингвальных сетей (СЛС). Само определение «когнитивная лингвистика» предполагает, что объектом дисциплины является язык в его соотношении с мышлением – концептуальными структурами и когнитивными операциями. Для изучения этого объекта применяется методологический аппарат, разрабатываемый различными зарубежными школами когнитивной лингвистики. Их положения, а также результаты моих собственных многолетних (1999–2012 гг.) исследований обширного корпуса разноплановых языковых данных стали основой для создания достаточно универсальной методики концептуального анализа, которая, в соответствии с типом концептуальных моделей, а именно – сетевых структур, была названа *семантикой лингвальных сетей (СЛС)*. Элемент *лингвальных* в названии методики указывает на ее отличие от методики построения семантических сетей в инженерии знаний. Это отличие состоит в том, что в СЛС для построения моделей сетей используется набор

обобщенных понятийных структур, отслеживаемых в значениях и формах языковых единиц разных уровней.

Теоретические основы СЛС совместимы с положениями ономазиологии и композиционной семантики, сформулированными в восточноевропейской когнитивной лингвистике (Е.С. Кубрякова), а также с положениями западных лингвокогнитивных школ – фреймовой семантики (Ch. Fillmore) и конструкционной грамматики (Ch. Fillmore, P. Kay, A. Goldberg, W. Croft и др.), когнитивной грамматики (R. Langacker), теории концептуальной метафоры (G. Lakoff, M. Johnson, M. Turner и др.), теории концептуальной интеграции, или блендинга (G. Fauconnier, M. Turner), теории перспектив (R. MacLaury) и теории прототипов (E. Rosch, A. Wierzbicka, G. Lakoff и др.). Методика построения концептуальных сетей, разработанная с учетом данных, полученных путем анализа естественного языка, согласуется с основными идеями дисциплин, представляющими, наряду с лингвистикой, когнитивную науку, а именно – с идеями когнитивной психологии, инженерии знаний (онтологического инжиниринга), теории систем и нелинейной динамики. Тем самым эта методика, как мне представляется, имеет междисциплинарную перспективу, необходимую для современных когнитивных исследований.

В СЛС для построения концептуальных сетей используются **базисные пропозиции**, которые имеют наивысший уровень обобщения, или схемности, и представляют изначальные категории мышления и типы реляций между ними. Тип пропозициональной схемы определяется по ее принадлежности к одному из пяти базисных фреймов – предметному, акциональному, посессивному, идентификационному и компаративному.

- Предметный фрейм объединяет **бытийные схемы** – квантитативную «X есть СТОЛЬКО-количество», квалитативную «X есть ТАКОЕ-качество», локативную «X существует/действует ТАМ / LC-локатив (начало, путь или место, конец)», темпоральную «X существует ТОГДА / ТМ-темпоратив (начало, отрезок или момент времени, конец)» и схему способа бытия «X существует ТАК-способ».
- Акциональный фрейм включает **акциональные схемы** состояния / процесса «AG-агенса действует», контактного действия «AG-агенса действует на РТ-пациенса / АФ-аффектив» и каузации «CR-каузатор делает FT-фактив». Данные схемы могут быть расширены за счет аргументных ролей *сирконстант* (разновидности: АТ-сопроводитель, АД-помощник, СГ-контрагент, ИН-инструмент, МД-медиатив), *стимул* (GL-цель, CS-причина), *предпосылка* (CD-условие, CS-уступка), *реципиент* (AD-адресат, ВN-бенефактив / МL-малефактив), а также за счет локативной и темпоральной схем.
- Посессивный фрейм конституируется **посессивными схемами** партитивности «WH-целое имеет PR-часть», инклюзивности «CR-контейнер имеет СТ-содержимое» / «СТ-содержимое имеет CR-контейнер» и собственности «OW-собственник имеет OD-собственность» /

«OD-собственность имеет OW-собственника». Различия между схемами определяются следующим. В партитивной схеме часть не самостоятельна, она всегда принадлежит целому. В инклюзивной схеме содержимое, будучи самостоятельной сущностью, может находиться как в пределах, так и за пределами контейнера. При слабой посессии, когда содержимое является достаточно автономным, инклюзивная схема приобретает обратимость. Схему инклюзивности можно рассматривать как ответвление бытийной локативной схемы. В схеме собственности собственность и собственника объединяет некоторая сближающая их «общая территория» существования. Если сущность, наделенная ролью «собственность», достаточно автономна, схема собственности приобретает обратимость (о посессивных структурах см. [19]).

- Идентификационный фрейм объединяет **идентификационные схемы персонификации** «ID-индивид есть PS-персонификатор (имя собственное)», **классификации** «ID-индивид / вид есть CL-классификатор: вид / род» и **характеризации** «ID-индивид есть SN-характеризатор». Схема классификации соотносит идентификатив (индивидуальную или видовую сущность) с суперординатным таксоном (родо-видовым или титульным) как сущностью более общего плана, чем сам идентификатив; то есть классификатор есть абстрактный член класса – биологического, социального, профессионального, функционального, качественное и пр. В английском языке маркером классификатора становится неопределенный артикль *a* или его эквивалент (*this man is a teacher*). Схема характеристики соотносит индивид с самим собою: характеризатор конкретизирует индивид. В английском языке маркером характеризатора становится определенный артикль *the* или его эквивалент (*this man is the son of my sister*), в русском языке – оборот *тот ... , который* (*это тот человек, который является сыном моей сестры*).
- Компаративный фрейм представлен **компаративными схемами тождества / метаморфозы**, «CV-компаратив есть /как/ MS-коррелят», **сходства / аналогии** «CV-компаратив есть как AN-коррелят» и **подобия / метафоры**, «CV-компаратив есть как бы MT-коррелят». Схема тождества/метаморфозы сравнивает сущность саму с собой, то есть коррелят есть тот же самый компаратив, но в его другой, дополнительной ипостаси (*диван-кровать, царевна-лягушка*). Схема сходства/анalogии устанавливает сходные черты у сущностей, принадлежащих к одной и той же понятийной сфере (*шапка-буденовка* «шапка как у Буденного»). Схема подобия / метафоры устанавливает сходные черты сущностей, которые относятся к разным понятийным сферам (*камень кошачий глаз*).

Базисные фреймы отличаются от фреймов в их традиционном понимании как концептуальных моделей стереотипных предметных ситуаций [Fillmore 1982: 111; Minsky 1988: 245] (например, фрейм «купли – продажи»). В инженерии знаний концептуальные модели предметных ситуаций именуется

онтологиями. Базисные фреймы являются операциональными: они включают тематически сближенные пропозиции, используемые для *построения* концептуальных моделей предметных ситуаций. Число пропозициональных схем, входящих в состав базисных фреймов, ограничено, но благодаря их различной комбинаторике, зависящей от специфики структурируемого понятийного пространства, можно получить неограниченное количество разнообразных конфигураций концептуальных сетей. Концептуальная **сетевая модель** преобразуется в **матричную модель**, если связи между информационными узлами сети остаются необозначенными (имплицитными).

В зависимости от нужд исследования, **концептуальные сети** строятся как **одномерные** или **многомерные (сети-в-сетях)**. Многомерная сеть предполагает наличие понятийных пространств, разворачивающихся «вглубь». Концептосфера (все структурируемое семантическое пространство) есть сеть доменов (понятийных узлов концептосферы); каждый домен есть сеть парцелл (понятийных узлов домена); парцелла содержит конкретные предметные концепты, каждый из которых есть информационный узел, моделируемый сетью признаков. На всех концептуальных уровнях построение сети осуществляется с помощью базисных пропозициональных схем.

К сетевой **концептуальной модели** могут быть применены определенные **когнитивные операции**, преобразующие её в **когнитивную модель**. Описание ряда когнитивных операций (спецификации, фокусировки, проминантности, перспективнизации и т.п.) было дано в когнитивной грамматике [Langacker 2008] и когнитивной психологии [Shepard & Cooper 1988]. Модификация одной и той же концептуальной модели с помощью когнитивных операций позволяет получить *несколько* когнитивных моделей, структурирующих анализируемое понятийное пространство языкового знака или знаков (см. подробно в [Жаботинская 2008а; 2011б; 2012]).

Изложенные выше теоретические принципы были применены для концептуального анализа информации, представленной в лексической семантике, в значениях полисемантического слова, в номинативных процессах, в метафорических единицах, в синтаксических структурах, в частеречных системах, в лексических группировках (лексико-семантических и ассоциативных полях), в том числе и тех, которые подлежат стратификации в словарях-тезаурусах [Жаботинская 2003–2011; Zhabotynska 2002; 2010]. Рассмотрим использование методики СЛС для концептуального моделирования лексического значения имени эмоции – англоязычного существительного *joy*.

4. Использование СЛС для концептуального анализа лексического значения имени эмоции. Процедура исследования лексического значения существительного *joy* включает такие этапы: отбор фактического материала из компьютерного корпуса данных и анализ материала путем исчисления логических предикатов; тематическое упорядочивание полученных результатов с помощью базисных пропозициональных схем; построение сетевой

концептуальной модели понятия РАДОСТЬ как денотативного значения лексемы *joy*; преобразование сетевой концептуальной модели в когнитивную модель, необходимую для дальнейшего анализа лексического значения; использование сетевой концептуальной модели при рассмотрении концептуальных метафор.

- **Фактический материал исследования**

Фактический материал для пилотного исследования, 1231 пример употребления существительного *joy* в значении РАДОСТЬ во фрагментах художественных текстов, был получен из компьютерной базы данных – Британского национального корпуса (BNC). Среди этих примеров были выделены те, которые содержат неметафорические (1025) и метафорические (206) номинации. В неметафорических номинациях были отслежены составляющие концепта, выступающие в роли логических предикатов концепта РАДОСТЬ.

- **Тематическое упорядочивание логических предикатов на основе базисных пропозициональных схем и построение сетевой концептуальной модели**

Выявленные в контекстах логические предикаты, связанные с концептом РАДОСТЬ как денотативным значением существительного *joy*, были тематически сгруппированы на основе базисных пропозициональных схем:

- 1) **посессивная партитивная схема [145 примеров]** «WH-человек имеет PR-РАДОСТЬ»: *smb has joy* [10]; *joy of smb* [30]; *smb's (noun) joy* [24] – *the dancers' joy*; *smb's (pronoun) joy* [52] – *our joy*; *smb's (adjective) joy* [14] – *public joy*; *joy for smb* [14]; *joy to smb* [1];
- 2) **бытийная локативная схема [23]** «РАДОСТЬ есть ТАМ-место»: место = человек в целом [11]: *joy is in smb* [4]; *people of joy* [1]; *inward* [4], *inner* [2] *joy*; место = душа, сердце [9]: *spiritual joy* [5] *joy in one's heart* [3]; место = тело [3]: *joy in body* [1]; *physical* [1], *biological* [1] *joy*;
- 3) **идентификационная схема классификации [21]** «ID-РАДОСТЬ есть CL-классификатор / род»: род = чувство, настроение, эмоция [16]: *sense* [11], *feeling* [1], *mood* [1] *of joy*; *joy is sentiment* [1], *emotion* [2], род = состояние [2]: *state of joy* [2]; род = приятное чувство [2]: *joy is intense gladness* [1], *pleasure* [1]; род = реакция [1]: *reaction of joy* [1];
- 4) **акциональная схема контактного действия¹ [33]** «AG-человек ощущает / не ощущает РТ-РАДОСТЬ»: ощущение радости [30]: *smb feels* [12], *knows* [9], *experiences* [7], *senses* [1] *joy*; *consciousness of joy* [1]; отсутствие радости [3]: *smb misses the joy of smth* [1]; *unknown joy* [1]; *lack of joy* [1];
- 5) **акциональная схема контактного действия¹ + локатив [15]** «AG-человек ощущает РТ-РАДОСТЬ ТАМ / LC»: место = конкретное место (местность, город, дом и т.п.) [8]: *joy is here* [1]; *joy at smb's place* [1]; *household* [2], *domestic* [1], *rural* [1] *joy*; *city of joy* [2]; место = вселенная

- [6]: *joy in the world* [3], *in the universe* [2]; *world of joy* [1]; место = земля [1]: *joy on the earth* [1];
- 6) **акциональная схема контактного действия¹ + темпоратив [19]** «АГ-человек ощущает РТ-РАДОСТЬ ТОГДА / ТМ»: время = момент, [6]: *present joy* [3]; *moments of joy* [3]; время = период [13]: *day of joy* [3]; *evening of joy* [1]; *night of joy* [2]; *months of joy* [1]; *April joy* [1]; *times of joy* [1]; *joy of childhood* [2]; *lifetime of joy* [1]; *age of joy* [1];
- 7) **акциональная схема контактного действия¹ + способ [4]** «АГ-человек ощущает РТ-РАДОСТЬ ТАК-способ»: способ = внезапность [3]: *immediate* [1], *sudden* [2] *joy*; способ = частотность [1]: *once-in-a-lifetime joy* [1];
- 8) **акциональная схема контактного действия¹ + сопроводитель [23]** «АГ-человек ощущает РТ-РАДОСТЬ с АТ-сопроводителем»: сопроводитель = психологическое состояние [2] *tumultuous* [1], *reckless* [1], *joy*; сопроводитель = негативная эмоция [14]: *mourning* [1], *delirious* [2], *troubled* [2], *fearful* [3], *poignant* [1], *sad* [1], *untoward* [1], *sinister* [1], *pitiless* [1] *joy*; сопроводитель = позитивная эмоция [7]: *solemn* [2], *glorious* [1], *victorious* [1], *voluptuous* [1], *rapturous* [1], *ecstatic* [1] *joy*;
- 9) **акциональная схема контактного действия¹ + причина [262]** «АГ-человек ощущает РТ-РАДОСТЬ из-за СС-причины»: причина = действие, событие [165]: *joy at smth* [22] – *joy at the approach of the Emperors*; *joy in smth* [1] – *joy in the exercise*; *smth has joy in it* [1] – *a working rhythm that has joy in it*; *smth is joy* [36] – *Working with him was a joy*; *joy is smth* [12] – *The joy is that we can take back our bodies, and restore ourselves to balance*; *smth of joy* [5] – *When the baby is born it is an occasion of joy for the whole family*; *joy for smb to do smth* [20] – *It is a great joy for me to declare this exhibition open*; *joy of smth* [67] – *joy of giving your life for the great cause*; *joy out of smth* [1] – *the joy out of his 100th test match as New Zealand coach*; причина = вещь [29]: *smth is joy* [29] – *this antique chair was your pride and joy*; причина = жизнь [21]: *joy of life* [20]; *joy of each day* [1]; причина = вера в Бога [13]: *joy of thy Lord* [3]; *joy of heaven* [6]; *joy in the light of God* [3]; *joy in the presence of the angels of God* [1]; причина = психологическое состояние / эмоция [11]: *smth causes joy* [4] – *Only grieving causes joy*; *smth is joy* [4] – *The happy relaxed atmosphere that Jamaica is famous for was a joy to see*; *joy of smth* [9] – *joy of love*; причина = человек [10]: *smb is joy* [10]; причина = искусство [5]: *joy of smth* [5] – *joy of music*; причина = еда [2]: *joy is smth* [2] – *joy is the food*; причина = природа [2]: *the joy of nature* [1]; *lake is the liquid joy* [1]; причина = текст [2]: *joy in smth* [2] – *joy in the third decree*; причина = богатство [1]: *wealth is joy* [1]; причина = всё [1]: *joy in everything* [1];
- 10) **акциональная схема контактного действия² [26]** «АГ-человек показывает / не показывает РТ-РАДОСТЬ»: демонстрация радости [23]: *smb expresses* [13], *exhibits* [1], *shows* [1], *parades* [1] *joy*; *expression* [6], *demonstration* [1] *of joy*; подавление, сокрытие радости [3]: *smb controls* [1] *represses* [1], *conceals* [1] *joy*;

- 11) **акциональная схема контактного действия² + медиатив [24]** «AG-человек показывает РТ-РАДОСТЬ с помощью MD-медиатива»: медиатив = глаза, взгляд [7]: joy in the eyes [2]; look of joy [5]; медиатив = лицо [4]: joy all over the face [3]; the face speaks one's joy [1]; медиатив = знак [4]: token [1], sign [1], mark [1], trace [1] of joy; медиатив = голос [3]: joy out of one's voice [1]; exclamation [1], shout [1] of joy; медиатив = текст [3]: joy in the verses [1]; tale of joy [1]; smb decrees joy [1]; медиатив = колокола [2]: bells tell of [1] herald [1] joy; медиатив = движение тела [1]: movement of joy [1];
- 12) **акциональная схема³ + причина [144]** «AG/CR-человек действует/ действует на РТ-пациенс, АФ-афектив / делает FT-фактитив (следствие) из-за CS-РАДОСТИ»: следствие = телесная реакция [79]: to do smth for joy [38] – to faint for joy; to do smth with joy [41] – to shiver with joy; следствие = смех, улыбка [8]: to laugh for joy [4]; to smile from joy [4]; следствие = физическое действие [48]: to do smth for joy [32] – to leap for joy; to do smth with joy [14] – to clap one's hands with joy; smth of joy [2] – a hug of joy; следствие = речь [1]: to be speechless with joy [1]; акциональная схема контактного действия³ + причина «AG-человек ощущает РТ-эмоцию (следствие) из-за CS-РАДОСТИ»: следствие = другая эмоция [8]: such joy [4] – mad joy over the prisoners who were saved; smth of joy [4] – comfort of joy.
- 13) **акциональная схема³ + цель [8]** «AG/CR-человек действует / действует на РТ-пациенс, АФ-афектив / делает FT-фактитив ради / для GL-РАДОСТИ»: *smb does smth for joy [8] – The queen had a little girl, so very beautiful that the king could not cease looking on it for joy;*
- 14) **акциональная схема³ + сопроводитель [65]** «AG/CR-человек действует / действует на РТ-пациенс, АФ-афектив / делает FT-фактитив с АТ-РАДОСТЬЮ: *smb does smth with joy [65] – You must paint with joy, the joy with which you make love to a woman;*
- 15) **акциональная схема контактного действия⁴ [39]** «AG-человек действует на РТ-РАДОСТЬ»: *smb needs [1], deserves [2], imagines [1], hopes for [1], sees [6], assumes [1], changes his/her [1] joy; smb remembers [1], recalls [1], examines [1], thinks of [1], contemplates [1], talks about [1], says smth about [1], admits [1], denies [1], describes [1] joy; script [1], sketch [1] of joy; unexplained joy [1]; smb listens to joy [1]; smb hears [1], celebrates [2], promotes [1], wishes smb [7] joy; smb expects smb's [1] joy; smb understands smb's [1] joy;*
- 16) **посессивная инклюзивная схема [1]** «CR/род-РАДОСТЬ имеет СТ-содержимое / тип: *type of joy [1];*
- 17) **бытийная квалитативная схема [159]** «РАДОСТЬ есть ТАКАЯ-качество»: такая по объему [60]: considerable [1], great [55], immense [2], tremendous [1], unconfined [1] joy; такая по степени проявления [21]: sheer joy [16; paltry [1], gentle [1], quiet [1], serene [1] joy; такая по интенсивности [15]: strong [1], extreme [1], supreme [1], unbelievable [1], exceeding [2], inexpressible [3],

indescribable [1], *odious* [1], *fierce* [3], *awful* [1] *joy*; такая по реальности [15]: *actual* [3], *real* [6], *true* [2], *evident* [1], *obvious* [1] *joy*; *reality of joy* [1]; *illusory joy* [1]; такая по продолжительности [14]: *endless* [1], *eternal* [3], *lifelong* [1], *lasting* [1], *everlasting* [1], *enduring* [1], *constant* [1] *joy*; *momentary* [1], *temporary* [1], *brief* [1], *short* [1] *joy*; *rapidity of joy* [1]; такая по полноте [6]: *absolute* [1], *utter* [2], *complete* [2], *perfect* [1] *joy*; такая по обычности / необычности [6]: *simple joy* [2]; *exquisite* [1], *special* [1], *particular* [1], *certain* [1] *joy*; такая по имовренности, ожидаемости [5]: *inevitable* [1], *possible* [1], *potential* [1] *joy*; *unforeseen* [1], *unexpected* [1] *joy*; такая по акцентированности [4]: *chief* [1], *primary* [1], *only* [2] *joy*; такая по искренности [3]: *genuine* [1], *sure* [1], *sincere* [1] *joy*; такая по распространенности [2]: *universal joy* [2]; такая по сукцессивности (порядку) [1]: *last joy* [1]; такая по важности [1]: *significance of joy* [1]; такая по позитивной оценке [4]: *wonderful* [3], *wondrous* [1] *joy*; такая по негативной оценке [1]: *loathsome joy* [1]; такая по объяснимости [1]: *mystery of joy* [1];

- 18) **компаративная схема сходства / аналогии¹** [7] «CV-РАДОСТЬ есть как AN-коррелят»: коррелят = радость другого существа [5]: *childlike* [2], *angelic* [1], *infantile* [1] *joy*; *joy like the children* [1]; коррелят = другое чувство [2]: *joy is as harmony* [1]; *joy has smth in common with pain* [1];
- 19) **компаративная схема сходства / аналогии²** [7] «CV-компаратив есть как бы AN-РАДОСТЬ»: компаратив = эмоция [7]: *a sort of joy* [5] – *A sort of joy illuminated his pupils like an inward aurora*; *kind of joy* [2] – *There is a kind of joy involved when the order of words corresponds with the way things are*.

Упомянутые выше пропозициональные схемы объединяются в концептуальной модели сети (рис. 1).

• ***Преобразование сетевой концептуальной модели в когнитивную модель***

Сетевая концептуальная модель является необходимой основой для дальнейших исследований: а) роли различных компонентов в составе значения слова; б) культурологических аспектов значения; в) исторических и межъязыковых модификаций значения (вспомним слоистую модель концепта, которая в этом случае предстает как вторичная по отношению к его концептуальной структуре). В таких исследованиях должна учитываться не только сама сетевая концептуальная структура, но и применяемые к ней когнитивные операции, относимые Р. Ленекером к факторам «конструирования, интерпретации» (*construing*) содержания языкового выражения [Langacker 2008: 55]. Когнитивная операция (или операции) преобразует концептуальную структуру в структуру когнитивную. Для анализа лексического значения важен фактор *проминантности*, определяемый Р. Ленекером как понятийная акцентированность, выделенность тех элементов, на которые мы обращаем особое внимание [там же: 66]. На акцентированность компонента указывает количественный показатель – число контекстов, в которых он фигурирует.

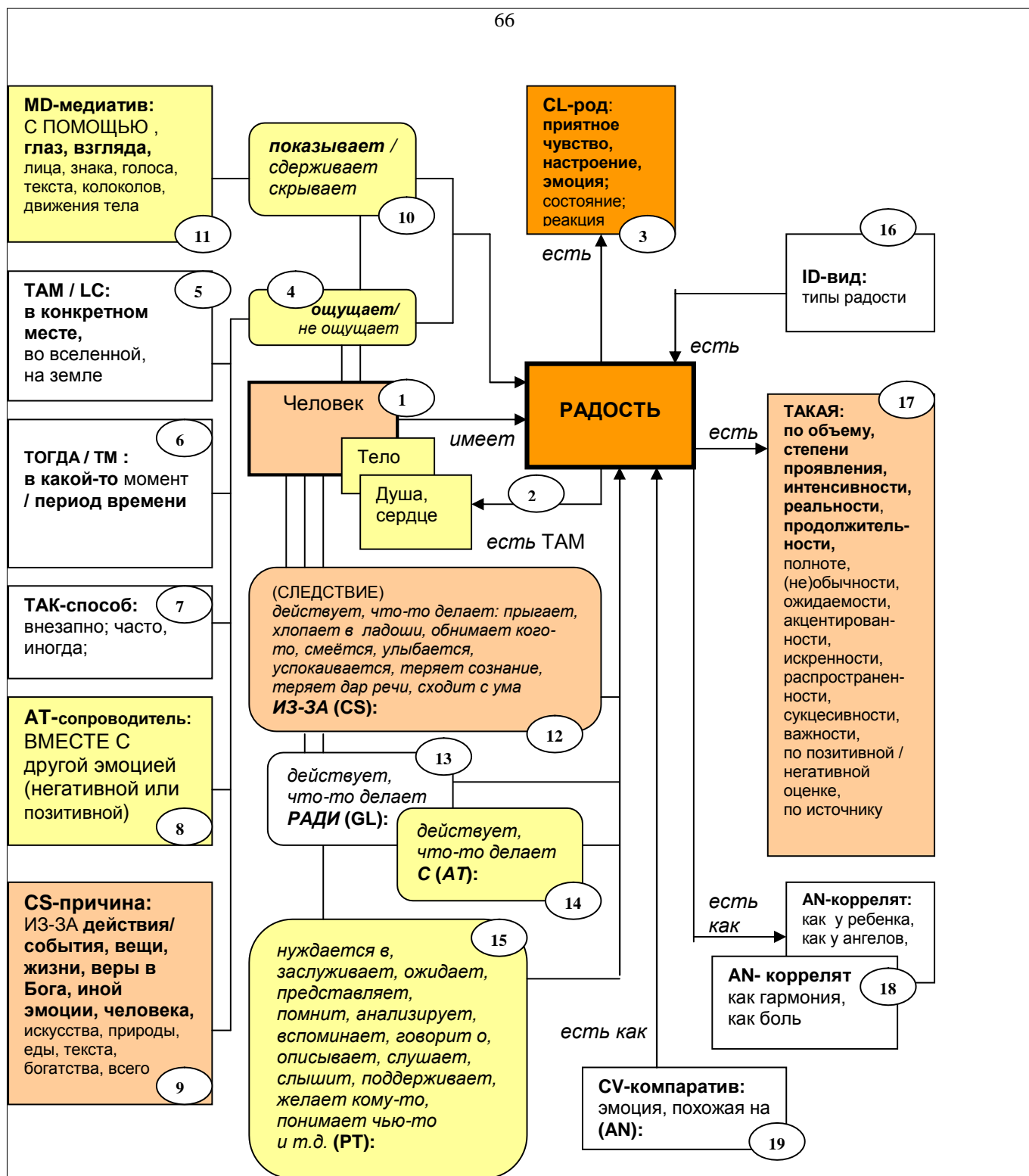

Рис. 1. Денотативное значение существительного *joy*:
концептуальная сеть

Содержательная проминатность компонентов значения слова. Согласно данным анализа, концепт РАДОСТЬ как денотативное значение существительного *joy* имеет такое содержание:

«**РАДОСТЬ, присущая человеку [145], пребывает в нём [23]/[11], в его душе [9] и теле [3]. Радость есть приятное чувство, настроение, эмоция [20], реакция на что-то [1]. Человек чувствует или не чувствует**

радость [33]. Он может испытывать радость в определенном месте [15] и в определенное время [19]. Радость может быть внезапной [3] и нечастой [1]. Человек может ощущать радость, сменяющую негативную эмоцию или же сопровождающую другое приятное чувство [23]. Радость, как правило, имеет свою причину [262] – каковой становится действие или событие [165], какая-либо вещь [29], жизнь в целом [21], вера в Бога [13], определенная эмоция [11], другой человек, [10], искусство [5], природа [2], чтение текста [2], еда, [2], богатство [1] и вообще всё [1]. Человек показывает, демонстрирует свою радость [23] или же сдерживает, скрывает её [3]. Человек показывает свою радость посредством чего-то [24] – глаз и взгляда [7], лица [4], какого-то знака [4], голоса [3], движения тела [1]; человек может выражать свою радость в написанном им тексте [3], а также звуками колоколов [2]. Радость человека становится причиной [144] его разных действий [48] – он хлопает в ладоши, обнимает других, прыгает от радости. Радость вызывает и различные телесные реакции [79] – человек может дрожать от радости и даже потерять сознание. Радостный человек смеётся [4], усмехается [4], теряет дар речи [1]. Радость вызывает различные психологические состояния [8] – человек доволен, спокоен или же возбужден. Радость сопровождает различные действия человека: он делает что-то с радостью [65]. Человек может специально делать то, что приносит ему радость [8]. Человек думает и говорит о своей радости и о радости других [39]. Существуют разные виды радости [1]. Радость имеет разные качества [145] – по объему [60], степени [21] своего проявления, интенсивности [15], реальности или нереальности [15], по продолжительности [14] и полноте [6], по обычности / необычности [6], по своей ожидаемости [5], по акцентированности [4], искренности [3], распространенности [2], по успешности [1], важности [1], объяснимости [1]. Радость может быть оценена как позитивно [4], так и негативно [1]. Радость одного человека может быть похожа на радость другого, сама радость может быть похожа на другое чувство [7]. Другое чувство, в свою очередь, может напоминать радость [7]».

Согласно концепции в М.В. Никитина, интенционал, или содержательное ядро лексического значения, представлен гиперсемой (родовая часть) и гипосемой (видовая часть). Импликационал лексического значения, включающий окружающие ядро периферийные семантические признаки, бывает жестким (обязательным, необходимым), высоковероятностным, слабым (свободным) и отрицательным (маловероятным или невозможным). Отрицательный импликационал (негиппликационал) отслеживается в метафоре [Никитин 1996: 109–111], которая на данном этапе анализа компонентов концепта РАДОСТЬ не обсуждается.

В концепте РАДОСТЬ как денотативном значении существительного *joy* интенционал представлен гиперсемой «род = чувство, настроение, эмоция, состояние» [18] и гипосемой «приятное чувство» [2]. Отнесение прочих

компонентов к жесткому, высоковероятностному и слабому импликационалу зависит от их количественной проявленности в речи. При этом величина количественного показателя избирается условно:

1) **жесткий импликационал:** – более 100 примеров (в приведенном выше описании концепта РАДОСТЬ компоненты выделены жирным шрифтом и подчеркнуты) –

«РАДОСТЬ, присущая человеку [145], как правило, имеет свою причину [262], это зачастую действие или событие, какая-либо вещь или жизнь в целом. Радость вызывает [144] различные действия и телесные реакции человека: он хлопает в ладоши, обнимает других, прыгает, дрожит от радости. Среди различных качественных характеристик радости [145] наиболее типичными являются её объем и степень её проявления»;

2) **высоковероятностный импликационал:** 20–65 примеров (в приведенном выше описании концепта РАДОСТЬ компоненты подчеркнуты) –

«Человек чувствует или не чувствует радость [30]. Он может ощущать радость, сменяющую негативную эмоцию или же сопровождающую другое приятное чувство [23]. Человек показывает, демонстрирует свою радость или же сдерживает, скрывает её [26]. Радость сопровождает различные действия человека: он делает что-то с радостью [65]. Человек думает и говорит о своей радости и о радости других [39]»;

3) **Слабый импликационал** – менее 20 примеров (в приведенном выше описании концепта РАДОСТЬ компоненты оставлены невыделенными):

«Человек может испытывать радость в определенном месте [15] и в определенное время [19]. Радость может быть внезапной [3] и нечастой [1]. Человек может специально делать то, что приносит ему радость [8]. Радость одного человека может быть похожа на радость другого, сама радость может быть похожа на другое чувство [7]. Другое чувство, в свою очередь, может напоминать радость [8]».

На приведенном выше рис. 1 зоны интенционала, жесткого импликационала и высоковероятностного импликационала показаны разными цветами, зона слабого импликационала оставлена без цвета.

Семы интенционала и жесткого импликационала формируют сигнификативное значение слова, приводимое в словарях. Компоненты высоковероятностного импликационала могут либо включаться, либо не включаться в словарную статью. Они представляют собой зону «перехода» от сигнификативного значения к значению денотативному, между которыми нет жесткой границы (см. обсуждение этого вопроса в [Haiman 1980; Wierzbicka 1995]).

Культурная проминатность компонентов значения слова. Культурологический аспект значения слова отслеживается не во всех, а лишь в определенных компонентах, входящих в состав его сетевой когнитивной структуры. Такие компоненты связаны с общественными установками и ценностями носителей языка. Для концепта РАДОСТЬ

как денотативного значения существительного *joy* культурную значимость имеют компоненты «показ радости» и «причина радости»:

показ радости: демонстрация радости [23], сокрытие, подавление радости [3] – количественные показатели говорят в пользу того, что в англосаксонской культуре принято выражать, а не подавлять или скрывать свою радость;

причина радости: действие, событие [165], вещь [29], жизнь [21]; вера в Бога [13], психологическое состояние / эмоция [11], человек [10], искусство [5], природа [2], текст [2], богатство [1], всё [1] – согласно количественным показателям, в англосаксонской культуре причиной радости, как правило, становятся какие-либо действия или события (их специфика может быть установлена в результате специального анализа); в значительном количестве случаев радость связана с какой-либо вещью, жизнью как таковой, верой в Бога, определенным эмоциональным переживанием или же с каким-то человеком (анализ большего корпуса данных может внести коррективы в эти наблюдения).

Исторические и межъязыковые модификации значения слова изучаются путем построения и сравнения сетевых когнитивных структур этого значения для разных периодов в истории одного и того же языка или же для разных языков.

- ***Использование сетевой концептуальной модели для анализа метафор***

Метафоры, в которых фигурирует существительное *joy* в значении РАДОСТЬ, представлены в фактическом материале 206 языковыми единицами (метафорическими выражениями – МВ), подводимыми под 19 концептуальных метафор. В них различные коррелятивные домены проецируются на концепт РАДОСТЬ, формируя его метафорический диапазон (жирным шрифтом выделены коррелятивные домены, отслеживаемые в наибольшем количестве примеров):

РАДОСТЬ есть **ЧЕЛОВЕК** [36 МВ], ЖИВОЕ СУЩЕСТВО [4 МВ], ЖИВОТНОЕ [3 МВ], ПТИЦА [7 МВ], **ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ** [27 МВ], САКРАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ [5 МВ], ЦЕННАЯ ВЕЩЬ [5 МВ], ПОДАРОК [9 МВ], ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО [1 МВ], КОНТЕЙНЕР [4 МВ], **СОДЕРЖИМОЕ КОНТЕЙНЕРА** [27 МВ], **ВЕЩЕСТВО** [21 МВ], ВЗРЫВЧАТКА [5 МВ], ЕДА [5 МВ], ЖИДКОСТЬ [8 МВ], ВОДНЫЙ ПОТОК [12 МВ], **СВЕТ / ПЛАМЯ** [24 МВ], ВЕТЕР [2 МВ], БОЛЕЗНЬ [1 МВ].

Как правило, концептуальная метафора представлена не одним, а несколькими МВ. В их образовании задействованы пропозициональные схемы, конституирующие сетевую структуру понятия РАДОСТЬ. То есть, метафора используется для осмысления и названия определенного (проминантного) сущностного компонента этого понятия. Например:

РАДОСТЬ есть СВЕТ / ПЛАМЯ [24 МВ]

Радость = пламя / свет, имеющий лучи [2] – *He returned in the evening, drenched and soaked, but with the same unquenchable **flame of joy** burning within him. An indescribable **ray of joy** illumined that wretched countenance like the last ray of the sun before it disappears behind the clouds.* Ощущение радости человеком = вспышка света, сияние [5] – *A **flash of joy** illumined Jean Valjean's melancholy old countenance. And while they were in the first **flush of joy**, swapping confidences and confessions, her brother came into the parlor with an expression of pain on his face and a telegram in his hand. She interrupted him with a **gleam of joy in her eyes**. The victory against England conveys a brief **glimpse of the joy** and vulnerability that Scottish football embodies. As we praise God <...> we become literally 'thankful persons', transfused by a new **radiance of joy** and thanksgiving.* Ощущение радости человеком = схождение света [2] – *Blind as he was, smiles played over his face, **joy dawned on his forehead**: his lineaments softened and warmed. The two children <...> stared at Montparnasse with **dawning joy** and admiration.* Проявление, демонстрация радости человеком = излучение / отражение света [12] – ***Joy seemed to radiate** from his whole person. It is rather difficult to communicate the emotion of gloom and at the same time **radiate joy**. Dantes <...> with his fine countenance, **radiant with joy** and happiness, a more perfect specimen of manly beauty could scarcely be imagined. What he does see is a crippled lama living in extreme simplicity and frugality in a mountain hermitage, whose being is **irradiated with a joy** which has an even keener edge because his infirmities offer him no possibility of escape. And, **beaming with joy**, she said: 'Winning the title has made my special day very special indeed. It **glistened with such extraordinary joy**, so rich and full of thought, that the physician was struck. Hans took the stone, and went his way with a light heart, his **eyes sparkled for joy**. Her eyes were **luminous with joy**. Then all at once she remembered the tortures of suspense she had experienced for the last fortnight, and **the joy that had lit up her face** vanished. <...> and her face, instead of **lighting up with joy**, dropped with dismay. I always enjoyed the spontaneous bursting into song of the crowd at Cardiff Arms Park, **reflecting joy**, satisfaction or encouragement for the home team's performance. They looked on, vaguely blanched with the **reflection of so much joy** at this sweet swarming of the hives.* Проявление, демонстрация радости человеком = распространение света [1] – *<...> have a happy face and **spread a little joy around**.* Исчезновение радости = затемнение света [2] – *<...> as though some envious cloud **darkened the joy** which illumined her heart. A poignant emotion **clouded the joy** of the disencumbered barricade.*

Подробное описание дальнейшего анализа концептуальных метафор в терминах их диапазонов и спектров дано в работах [Жаботинская 2011а; Бровченко 2011; Радченко 2012]

5. Заключение. Приведенный выше образец анализа является не анализом концепта *per se*, а анализом концепта как значения слова.

Воссоздание сетевой концептуальной / когнитивной модели лексического значения позволяет соотнести его с определенной структурой знаний, а также объяснить механизм схематизации и спецификации содержащейся в значении информации, включающей и ту, которая связана с культурными, межкультурными и диахроническими факторами.

Сетевая концептуальная / когнитивная структура применима не только для объяснения специфики одного из лексико-семантических вариантов (ЛСВ) слова. Она является также основой для анализа полисемии, при которой различные ЛСВ связаны между собой типами отношений (прежде всего отношений смежности), представленных в концептуальной / когнитивной сети. Эта сеть становится основой и для анализа значений единиц словообразовательных и синонимических рядов. Например, в словообразовательном ряду *joy, joyful, joyous, joyfully, joyously* производные прилагательные и наречия соотносятся с определенными (и при этом множественными) узлами концептуальной сети. В синонимическом ряду *joy, happiness, satisfaction, rapture, cheer, etc.* именуемые понятия могут быть представлены с помощью одной и той же концептуальной / когнитивной структуры, в которой изменяется как заполнение отдельных схемных узлов, так и проминантность узлов.

И последнее. Сетевая концептуальная / когнитивная структура значения имени демонстрирует то, как это значение, будучи «эйдетической сверткой» информации, разворачивается в логос-текст с его неметафорическими и метафорическими номинациями. А этот текст, приращенный новой информацией в различных дискурсах, вновь сворачивается в имя, привнося в его содержание новые смыслы.

Благодарность. Выражаю признательность студентке-магистрантке Яне Римской за сбор фактического материала и его первичную обработку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева А.В. Концепт ОСВІТА в англійській, французькій та російській мовах : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.17 «Порівняльно-історичне і типологічне мовознавство» / А.В. Беляева. – К., 2012. – 20 с.
2. Беляевская Е.Г. Концептуальный анализ: модифицированная версия методов структурной лингвистики? / Е.Г. Беляевская // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. трудов. – М.–Калуга, 2007. – С. 60–69.
3. Бровченко И.В. Концептуальная метафора в клише англоязычного научного текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Бровченко Ирина Владимировна. – Черкассы, 2011. – 364 с.
4. Воинов А.В. Онтология как холистическая модель слабо структурированной предметной области / А.В. Воинов, Т.А. Гаврилова //

- Третья междунар. конф. по когнитивной науке (Москва, 20-25 июня 2008 г.) : тезисы докл. – Том 1. – М., 2008. – С. 566–567.
5. Воркачев С.Г. Концепт счастья: значимостная составляющая / С.Г. Воркачев // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 2. – Воронеж, 2002. – Режим доступа : http://1se2010.narod.ru/yazik_kommunikatsija_s_sotsialnaja_sreda
  6. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 192 с.
  7. Воркачев С.Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития / С.Г. Воркачев // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2011. – Т. 70. – № 5. – С. 64–74.
  8. Воркачев С.Г. Концепт счастья в английском языке: значимостная составляющая / С.Г. Воркачев, Е.А. Воркачева // Массовая культура на рубеже XX–XXI века: Человек и его дискурс. – М., 2003. – С. 263–275.
  9. Воробйова О.П. Ідея резонансу в лінгвістичних дослідженнях / О.П. Воробйова // Мова. Людина. Світ. До 70-річчя проф. М.П. Кочергана : [відп. ред. Тараненко О.О.] – К., 2006а. – С. 72–86.
  10. Воробьева О.П. Эмоциональный резонанс сквозь призму ментальной симуляции / О.П. Воробьева // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : сб. материалов / ИЯ РАН, Тамбовский ГУ имени Г.Р. Державина, Российская ассоциация лингвистов-когнитологов (26–28 сентября 2006 г., Тамбов). – Тамбов, 2006б. – С. 46–48.
  11. Воробйова О.П. Поетика хвиль в контексті емоційного резонансу (нарис з когнітивної емотіології) / О.П. Воробйова // Мова, культура й освіта в сучасному світі : зб. наук. праць до 90-річчя д. філол. н., проф. Романовського О.К. : [відп. ред. Стишов О.А.]. – К., 2008. – С. 126–135.
  12. Воробйова О.П. Концептологія в Україні: здобутки, проблеми, прорахунки / О.П. Воробйова // Вісник КНЛУ. Сер. Філологія. – 2011. – Т. 14, № 2. – С. 53–64.
  13. Воробьева О.П. Вкус "Шоколада": интермедиальность и эмоциональный резонанс / О.П. Воробьева // Проблемы лингвистики и лингводидактики. – Белгород, 2013. (В печати).
  14. Воробьева О.П. Концептология в Украине: обзор проблематики / О.П. Воробьева // Концепты в когнитивно-дискурсивной парадигме : коллективная монография. – К.–Луганск : Изд-во ЛНПУ имени Тараса Шевченко, 2013 (в печати).
  15. Жаботинская С.А. Концептуальный анализ: типы фреймов / С.А. Жаботинская // Вісник Черкаського університету. – 1999. – Вип. 11. – С. 3–7.
  16. Жаботинская С.А. Теория номинации: когнитивный ракурс / С.А. Жаботинская // Вестник Московского гос. лингв. исторического ун-та. – 2003. – Вып. 478. Лексика в разных типах дискурса. – С. 145–164.

17. Жаботинская С.А. Концептуальный анализ языка: фреймовые сети / С.А. Жаботинская // Мова : зб. наук. праць.– Одеса, 2004. – С. 32–48.
18. Жаботинская С.А. Лексическое значение: принципы построения концептуальной сети / С.А. Жаботинская // Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza : Drugą międzynarodową konferencję naukową (Gdansk, 22–24 października 2003) : v 2 t. – Т.2. – Gdansk, 2005. – С. 53–63.
19. Жаботинська С.А. Посесивна конструкція і концептуальні трансформи / С.А. Жаботинська // Мова. Людина. Світ. До 70-річчя проф. М.П. Кочергана : [відп. ред. Тараненко О.О.] – К., 2006. – С. 178–192.
20. Жаботинская С.А. Модели репрезентации знаний в контексте различных школ когнитивной лингвистики: интегративный подход / С.А. Жаботинская // Когнитивные исследования языка. Вып. 3. Типы знаний и проблемы их классификации. – М. – Тамбов, 2008а. – С. 61–74.
21. Жаботинская С.А. Принципы лингвокогнитивного анализа и феномен полисемии / С.А. Жаботинская // Проблемы загального, германського та слов'янського мовознавства. До 70-річчя професора В.В. Левицького. – Чернівці, 2008б. – С. 357–368.
22. Жаботинская С.А. Концепт / домен: матричная и сетевая модели / С.А. Жаботинская // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 168, Т.1. – С. 254–261.
23. Жаботинская С.А. Онтологии для словарей-тезаурусов: лингвокогнитивный подход / С.А. Жаботинская // Філологічні трактати. – 2009а. – № 2, Том 1. – С. 71–87.
24. Жаботинская С.А. Принципы создания ономаσιологических моделей и событийных схем в языке / С.А. Жаботинская // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М., 2009б. – С. 381–400.
25. Жаботинская С.А. Лексико-грамматическая полисемия класса числительных: когнитивный аспект / С.А. Жаботинская // Мова й дискурс: вимір і вимірювання : міжвуз. зб. наук. праць до 75-річчя з дня народження доктора філологічних наук, професора, академіка АН вищої школи України Світлани Олексіївни Швачко. – Сумы : Вид-во СумДУ, 2010. – С. 52–61.
26. Жаботинская С.А. Лингвокогнитивный поход к анализу номинативных процессов / С.А. Жаботинская // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2010. – № 982. – С. 6–20.
27. Жаботинская С.А. Концептуальная метафора: процедура анализа для множественных данных / С.А. Жаботинская // Актуальні проблеми менталінгвістики : зб. статей за матеріалами VII Міжнар. наук. конф. – Черкаси : ЧНУ імені Б. Хмельницького, 2011а. – С. 3–6.
28. Жаботинська С.А. Лексичні поля й нелінійна динаміка когнітивних структур / С.А. Жаботинська // Вісник Львівського університету. Серія філологічна. – 2011б. – Вип. 52. – С. 1–11.

29. Жаботинская С.А. Когнитивное картирование как лингвосемиотический фактор / С.А. Жаботинская // Функциональная лингвистика : сб. научн. работ : [науч. ред. А.Н. Рудяков]. – № 3. – Симферополь, 2012. – С. 179–182.
30. Жаботинская С.А. Сетевая семантика / С.А. Жаботинская // Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы : материалы Всероссийской науч. конф., посвященной 10-летию Российской ассоциации лингвистов-когнитологов (Тамбов, 11–12 апреля 2013 г.). – Тамбов, 2013 (в печати).
31. Жигоренко І.Ю. Концепт КОХАННЯ в сучасному німецькому й українському художньому тексті: лінгвокогнітивні та функціональні особливості : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.15 «Загальне мовознавство» / І.Ю. Жигоренко. – Одеса, 2011. – 20 с.
32. Кравченко А.В. Что изучает концептология? / А.В. Кравченко // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал : материалы 1-й Междунар. конф. (5–7 окт. 2011, Барнаул). – Барнаул : Изд-во АлтГПА, 2011. – С. 248–251.
33. Кубрякова Е.С. Роль человеческого фактора в языке. Язык и порождение речи / Кубрякова Е.С., Шахнарович А.М., Сахарный Л.В. – М. : Наука, 1991. – 237 с.
34. Логический анализ языка. Культурные концепты : [сб. статей / отв. ред. Арутюнова Н.Д.]. – М. : Наука, 1991. – 204 с.
35. Логический анализ языка. Семантика начала и конца : [сб. статей / отв. ред. Арутюнова Н.Д.]. – М. : Индрик, 2002. – 648 с.
36. Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании / М.В. Никитин. – Владимир : Владимир. гос. пед. ин-т, 1974. – 222 с.
37. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – СПб. : Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.
38. Пименов Е.А. Особенности репрезентации концепта ANGST в немецком языке / Е.А. Пименов // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. трудов. – М.–Калуга, 2007. – С. 231–236.
39. Пименова М.В. О методе исследования концептов внутреннего мира человека / М.В. Пименова // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. трудов. – М.–Калуга, 2007. – С. 237–246.
40. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 1999. – 191 с.
41. Приходько А.М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А.М. Приходько. – Запоріжжя : Прем'єр, 2008. – 332 с.

42. Радченко О.Ю. Концептуальна метафора в терміносистемі маркетингу : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Радченко Олена Юріївна. – Черкаси, 2012. – 364 с.
43. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика / А.В. Рудакова. – Воронеж, 2002. – 78 с.
44. Сватко Ю.И. Имя как текст и текст как имя: лингвистические и лингвофилософские основания анализа : автореф. дис. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языкознания», 10.02.01 «Русский язык» / Ю.И. Сватко. – Краснодар, 1994. – 77 с.
45. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М. : Школа "Языки русской культуры", 1997. – 824 с.
46. Шамаева Ю.Ю. Когнітивна структура концепту «РАДІСТЬ» (на матеріалі англійської мови : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Ю.Ю. Шамаева. – Харків, 2004. – 20 с.
47. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1987. – 192 с.
48. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоции / В.И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
49. Clausner T.C. Domains and image schemas / T.C. Clausner, W. Croft // *Cognitive Linguistics*. – 1999. – No 10/1. – P. 1–31.
50. Fillmore Ch. Frame semantics / Ch. Fillmore // *Linguistics in the Morning Calm* : [ed. by The Linguistic Society of Korea]. – Seoul, 1982. – P. 111–137.
51. Haiman J. Dictionaries and encyclopedias / J. Haiman // *Lingua*. – 1980. – Vol. 50. – No 4. – P. 329–357.
52. Kemmer S. Schemas and lexical blends / *Motivation in language: Studies in honour of Günter Radden* : [ed. by S. Kemmer, H. Cuykens, T. Berg, R. Dirven, & K.-U. Panther]. – New York, 2003. – P. 69–97.
53. Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar. V. 1: Theoretical prerequisites / Langacker R. W. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1987. – 516 p.
54. Langacker R.W. Cognitive grammar. A basic introduction / R.W. Langacker. – New York : Oxford University Press, 2008. – 562 p.
55. Minsky M. The society of mind / M. Minsky. – New York et al. : Simon & Schuster, 1988. – 339 p.
56. Shepard R.N. Mental images and their transformations / R.N. Shepard, L.A. Cooper. – Cambridge, Mass. : The MIT Press, 1986. – 364 p.
57. Tylor J.R. Schemas, prototypes, and models: In search of the unity of the sign / J.R. Tylor // *Meanings and prototypes: Studies in linguistic categorization* : [ed. by S.V. Tsohatzidis]. – London-New York, 1990. – P. 521–534.

58. Vorobyova O. Caught in the Web of Worlds II: Postmodernist Wanderings through the ASC Labyrinths in Kazuo Ishiguro's *The Unconsoled*: Philosophy, Emotions, Perception / O. Vorobyova // Languages, Literatures and Cultures in Contact: English and American Studies in the Age of Global Communication : [eds. Marta Dąbrowska, Justyna Leśniewska and Beata Piątek]. – Krakow, 2012. – P. 37–56.
59. Wierzbicka A. Dictionaries vs. encyclopaedias: how to draw a line / A. Wierzbicka // Alternative linguistics: Descriptive and theoretical models : [ed. by P.W. Davis]. – Amsterdam & Philadelphia, 1995. – P. 289–315.
60. Zhabotynska S.A. Shorts, breeches and bloomers: Plurality in blends / S.A. Zhabotynska // The Way We Think : Odense working papers in language and communication (Odense, August 19-23, 2002). – Odense, 2002. – Vol. 2, № 23. – P. 127–142.
61. Zhabotynska S.A. Principles of building conceptual models for thesaurus dictionaries / S.A. Zhabotynska // Cognition, communication, discourse. International On-line journal – Когниция, коммуникация, дискурс. Международный электронный сборник научных трудов. Харьковский национальный университет имени В. Каразина. – 2010. – № 1. – С. 75–92. – Режим доступа : <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vypusk-no1-2010>

Жаботинская Светлана Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого; e-mail: saz9@ukr.net